

ЧЕЛОВЕК И ВРЕМЯ В СИСТЕМЕ МИФОЛОГИЧЕСКИ-РЕЛИГИОЗНОГО УЧЕНИЯ МИРЧИ ЭЛИАДЕ.

Yalçın YUNUSOV*

РЕЗЮМЕ

МирчаЭлиаде (1907–1986) – румынский философ культуры, исследователь мифологии, религиовед, писатель.

В настоящей работе рассматривается исследовательский метод Элиаде, будучи классическим, далек от какой-либо односторонности. Его концепция о развитие и формирование духовных ценностей Востока и Запада представляется крайне интересной и важной не только для религиоведения, науки в целом прикладной, но для культурологии, философии и литературоведения. Для наиболее адекватного понимания Элиаде необходимо исходить из того простого факта, что его не следует расценивать как “прикладного” религиоведа или исследователя мифов, но, прежде всего, как самобытного философа. В своих трудах Элиаде, прежде всего, задавался целью выявить структуру и значение религиозных феноменов, понять их смыслы.

Символика мифов и любые символы культуры) выступают для него как запечатленные памятью моменты прозрения - интуиции, озарявших человека и ставших своего рода принципами его выживания. Сумма таких интуиции, образующих память культуры, и есть внутренняя реальность сознания. Только будучи погруженной в эту культурную реальность «внутри себя», личность способна преодолеть все ограничивающие ее условия человеческого существования (вплоть до преодоления своей телесной ограниченности), обрести творческую свободу и достичь духовного спасения.

Таким образом, выслеживается концепция Элиаде, который надеялся обнаружить единый источник подлинно религиозной жизни. Религиозный проект мыслителя – создание теологии без Бога, на место которого заступает Сакральное. Сакральное, абсолютная реальность без имени и лица, должно было стать основанием “планетарного гуманизма”, о котором мечтал Элиаде.

Ключевые слова: человек, архетип, сакральное, философия

PERSON AND TIME IN MYTHOLOGICAL- RELIGIOUS DOCTRINE SYSTEM OF MIRCHI ELIADE

ABSTRACT

MirchaEliade (1907–1986) – the Romanian philosopher of culture, the researcher of mythology, religion, the writer.

In the present work is considered the research method of Eliade, being classical, is far from any limitation. His concept about development and formation of cultural wealth of the East and the West is represented to the extremely interesting and important not only for religious studies, a science as a whole applied, but for cultural science, philosophy and literary criticism. For the most adequate understanding of Eliade it is necessary to start with that simple fact that it should not be regarded as "applied" , the researcher of religion or the researcher of myths, but, first of all, as the original philosopher. In the works of Eliade, first of all, aimed to reveal structure and value of religious phenomenon, to understand their senses.

The symbolism of myths and any symbols of culture) act for it as the moments of an enlightenment embodied by memory - the intuitions, lighting up person and become some kind of principles of its survival. The sum such the intuitions, forming memory of culture, also is an

* Yrd.Doç.Dr. Yalçın Yunusov, Kafkas Üniversitesi, Slav Dilleri ve Edebiyatları Bölümü, yalchin_y@hotmail.com

internal reality of consciousness. Only being shipped in this cultural reality «in itself», the person is capable to overcome all conditions of human existence limiting it (up to overcoming of the corporal limitation) to find creative freedom and to reach spiritual rescue.

Thus, the concept of Eliade which hoped is tracked down to find out a uniform source of originally religious life. The religious project of the thinker – creation of theology without God which place takes up Sacral. Sacral, an absolute reality without a name and the person, should become the basis of "planetary humanism" of which Eliade dreamt.

Key words: Myths, Person, Archetype, Sacral, Philosophy

Мирча Элиаде (1907–1986) – румынский философ культуры, исследователь мифологии, религиовед, писатель. Устойчивый интерес Элиаде к литературе, древней истории, средневековой алхимии и оккультизму, философии Возрождения, религиям Востока определился рано. Увлечение Востоком привело молодого ученого в Калькутту (Индия) (1928), где он слушал лекции в университете, осваивал языки и работал с индийскими религиозно-философскими текстами. В Индии Элиаде провел более трех лет, из которых более полугодом – в гималайских ашрамах индийских гуру. Изучение Индии и личный опыт приобщения к святыням древних восточных религий наложили существенный отпечаток на научную проблематику и мировоззрение Элиаде.

Смена человеческих цивилизаций, катаклизмы приводящее общество к различным духовным и политическим трансформациям всегда сопровождалось возрастанием апокалиптических, эзотерических и всяких других религиозно-мистических учений. Почему именно пограничным эпохам, присущи такие экзальтированные настроения, царящие в человеческом обществе? Мирча Элиаде полагает за всеми этими иррациональными колебаниями скрывается попытка разумного объяснения спасительного чуда, акта веры, которая упорядочивает хаос. Именно этот аспект многолетних исследований Мирчы Элиаде нашло отражение в его трехтомном фундаментальном труде «История веры и религиозных идей»

Безусловно, исследовательский метод Элиаде, будучи классическим, далек от какой-либо односторонности, однако, его концепция о развитии и формирование духовных ценностей Востока и Запада представляется крайне интересной и важной не только для религиоведения, науки в целом прикладной, но для культурологии и философии. Для наиболее адекватного понимания Элиаде необходимо исходить из того простого факта, что его не следует расценивать как "прикладного" религиоведа или исследователя мифов, но, прежде всего, как самобытного философа религии. В своих трудах Элиаде, прежде всего, задавался целью выявить структуру и значение религиозных феноменов, понять их смыслы.

Полиглот и эрудит, литератор и ученый, дипломат и послушник индийского ашрама, Элиаде прошел нелегкий путь жизненный путь. Элиаде побывавший в Индии перенял не только культурные традиции этой страны, но окунулся в мир таинственной восточной духовности, для западного человека. На протяжении всей своей жизни он пытался найти точки соприкосновения между Западной цивилизацией, во многом возросшей из иудео-христианского корня, таинственным Востоком и даже архаичными верованиями первобытных культур. В своем постоянном стремлении "дойти до самой сути", Элиаде удалось создать оригинальную религиоведческую концепцию, которую он назвал "историей религий".

Особое место в учении «историка религий» Элиаде понятие иерофании. Термин "иерофания" (греч. *hieros* – священный, святой и *phainein* – являть) был введен М.Элиаде для обозначения акта обнаружения святого в чувственно

доступной форме. Человек ищет знаки присутствия первореальности в самых разнообразных сферах существования: в “космических” явлениях (небе, земле, воде и др.) и процессах регулярности времен года, увядания и возрождения растений; в “биологических” формах жизни, например, в устройстве человеческого тела, в сексуальности; наконец, ищет эти знаки в “локальных” данностях существования – в местах, где человеком обнаружен некий “абсолютный элемент, способный положить конец относительности и путанице” (такой локальной данностью может, например, выступить место удачной охоты). В акте иерофании происходит встреча вторгшейся в мир трансцендентной реальности и ищущей откровения инобытия человеческой души. Такого человека Элиаде называет *homoreligiosus*, “вновь сотворяя” мир упорядочивает хаос и освещает свое жизненное пространство, в чем проявляется его желание вернуться к изначальной святости космоса, к его чистым истокам, к тому состоянию, в котором он вышел из рук Создателя. Согласно Элиаде, *homoreligiosus* всегда присуща тяга к воссоединению с сакральным, в данном случае выражающаяся в стремлении к возвращению к изначальному сакральному состоянию пространства.

Итак, посредством понятия иерофании Мирча Элиаде определяет место человека, находящегося на пороге трансцендентного мира.

В первом томе «История веры и религиозных идей. От каменного века до элевсинских мистерий». Он исследует этапы в развитии «магико-религиозного поведения человека». В этом исследовании Мирча Элиаде показывает *фундаментальное единство* религиозных феноменов и одновременно о неистощимое *количество* способов их выражения. Здесь, он предлагает читателю возможность подступиться к ведийским гимнам, к брахманам и упанишадам спустя всего несколько часов после того, как перед ним предстали идеи и верования палеолитической эпохи, Месопотамии, Египта; он открыл бы для себя Шанкару, тантризм и Миларепу, ислам, Иоахима Флорского или Парацельса наутро после размышлений о Заратустре, Гаутаме Будде и даосизме, об эллинистических мистериях, взлете христианства, о гностицизме, алхимии или о мифологии Грааля; он встретил бы немецких просветителей и романтиков, Гегеля, Макса Мюллера, Фрейда, Юнга и Бонхеффера вскоре после Кетцалькоатля и Виракочи, двенадцати альвов и Григория Паламы, ранних каббалистов, Авиценны или Эйсая. Мирча Элиаде одной из причин становления мистико-религиозного чувства человека называет его прямохождение. Достаточно напомнить, пишет исследователь, что вертикальное положение тела уже отмечает отрыв человека от типичного для прегоминид (первых человекообразных) состояния. Удержать позицию прямохождения было невозможно без постоянно бдящего сознания. Человек выпрямился – и в силу этого пространство приобрело структуру, недоступную для антропоидов: четыре горизонтальных вектора, отходящих от центральной вертикальной оси. Иначе говоря, пространство выстроилось вперед, назад, направо, налево, вверх и вниз от человеческого тела. Из нового и порождающего опыта – ощущения себя “ввергнутым” в необозримую, неведомую и угрожающую беспредельность – развились разные способы *orientatio*; потому что нельзя сколько-нибудь долго прожить посреди хаотического коловращения, без всяких точек отсчета. Ощущение пространства, упорядоченного вокруг некоего “центра”, объясняет смысловую нагрузку парадигматической разбивки территорий, стоянок и жилищ и их космогонический символизм. Другим важным условием магического поведения человека палеолита Элиаде считает орудия труда и оружие архаического человека.

Немыслимо было бы, пишет Элиаде, чтобы орудия не наделялись сакральными свойствами и не вдохновляли на мифологические сюжеты. Первые технологические открытия: превращение камня в орудие нападения и защиты,

овладение огнем, – не только обеспечили выживание и развитие человека как вида, но и создали мир мифо-религиозных ценностей, пробудили креативное воображение и дали для него пищу. Достаточно изучить роль орудий в религиозной жизни и мифологии первобытных народов, которые до сих пор остаются на стадии охоты и рыболовства. А представление о магико-религиозной ценности оружия – из дерева ли, камня или металла – до сих пор живо у сельского населения Европы, и не только в его фольклоре.

Согласно Элиаде, главное, что породило бесчисленные верования, мифы и легенды, – это овладение пространством с помощью метательного оружия. Так, например богатая мифология, сложившаяся вокруг копий, которые пробивают небесный свод и тем самым дают человеку доступ на небо, вокруг стрел, которые рассекают тучи, пронзают демонов или образуют цепочку до неба, и т.п.

Труды М.Элиаде – по-преимуществу сравнительно-религиоведческие исследования. Сравнительное религиоведение М.Элиаде опиралось на его “систематическое” религиоведение, суть которого заключалась в выявлении в “морфологии религии” устойчивых структур религиозного опыта. Во всем многообразии религиозных феноменов религиовед обнаруживает “уникальный и не сводимый ни к чему элемент – элемент сакрального”. Категория сакрального становится общим основанием для сравнения религий. Опираясь на этот общий для всех религий элемент, М.Элиаде сопоставляет исторические формы обнаружения сакрального в разных религиях – иерофании.

Сравнительно-историческое изучение приводит М.Элиаде к установлению в истории религии двух типов: первый тип – *космические* религии, к которым М.Элиаде относит религии архаических обществ, восточные и африканские религии, дохристианские культы народов Европы, второй – иудаизм и христианство. Космические религии, пронизаны переживанием “космических” иерофаний. Приверженцу космических религий сакральное обнаруживает себя в устройстве мироздания, в природных и биологических ритмах жизни, в мельчайших проявлениях бытия, ибо в этих религиях: “Космос во всей своей полноте – это *реальный живой и священный организм*”. Фундаментальное отличие иудаизма и христианства состоит в том, утверждал М.Элиаде, что в русле этих учений сакральное получило не столько космическое измерение, сколько историческое: в последовательных актах теофаний сакральное первоначально вторгается в историю, задавая существованию мира начало и конец. В иудейском и христианском культурном сознании формируется новая картина мира, меняется представление о времени (с циклического на линейное), трансформируется мифология, в которой огромную роль начинает играть эсхатология.

Символика мифов и любые символы культуры) выступают для него как запечатленные памятью моменты прозрения - интуиции, озаривших человека и ставших своего рода принципами его выживания. Сумма таких интуиции, образующих память культуры, и есть внутренняя реальность сознания. Только будучи погруженной в эту культурную реальность «внутри себя», личность способна преодолеть все ограничивающие ее условия человеческого существования (вплоть до преодоления своей телесной ограниченности), обрести творческую свободу и достичь духовного спасения.

Тем самым мифологизм Мирчи Элиаде предстает не только в качестве некой культурно-исторической концепции или даже эстетического кредо, но, пожалуй еще, как своеобразное этическое учение. Учение экзистенциальное по своим философским отражениям и пронизывающему его стоическому оптимизму и одновременно «спасительное» в силу своей выраженной «святости»; демократическое - благодаря приземленности, связям с питательной

«крестьянской» почвой культуры, но и элитарное по направленности на определенное интеллектуальное избранничество, аристократизм духа.

Другим важным моментом в философском наследии Элиада представляется его оригинальная концепция архаического сознания и способа мышления, а также его взгляды на философию истории. Ему впервые удалось выявить ряд познавательных характеристик архаического менталитета как мышления преимущественно образного — оперирование архетипами, образцами и категориями, сведение индивидуального к образцовому, наличие полярностей и совпадений противоположностей, циклическое восприятие времени и т.д. Архетип, в понимании Элиаде, — это не структура коллективного бессознательного (К. Юнг), а скорее прототип, прообраз, «план», выступающий в качестве образца для имитации и наделенный глубоким сакральным смыслом. Именно поэтому в архаическом сознании и мышлении, подчеркивал Элиаде, предметы внешнего мира, как и человеческие действия, не обладают своим собственным, самостоятельным смыслом и ценностью. Смысл и ценность для людей они обретают только в качестве инородной сверхъестественной силы, выделяющей их из окружающей среды.

Согласно Элиаде, архаическое сознание и мышление постепенно формируют всеохватывающую «онтологию» смыслов, универсальную модель понимания, где окружающий нас мир, в котором ощущается присутствие и труд человека, имеет вземные архетипы, понимаемые либо как «план», как «форма», либо как обыкновенный двойник, но существующий на более высоком, космическом уровне. В силу смысловой «первичности» архетипов в структуре архаического сознания и мышления реальным здесь оказывается преимущественно сакральное, которое может быть достигнуто лишь путем подражания или «сопричастия». Отсюда понятно стремление человека архаической ментальности стать архетипической, «образцовой» личностью, лишенной к.-л. индивидуальных черт.

Элиаде считал, что этап архаического сознания и способа мышления, уровень архетипов и повторений впервые был превзойден иудеохристианством, которое ввело в религиозный опыт новую категорию — веру. Правда, он отмечал, что еще в средневековой Европе крестьяне продолжали жить в циклическом времени, тогда как их более образованные современники уже взяли на себя бремя историзма. По его мнению, даже в XX веке значительная часть населения Европы, не говоря уже о др. континентах, все еще существует в традиционной внеисторической перспективе. Христианская вера провозгласила, что не только для Бога, но и для человека все возможно, что человек свободен от природных законов и может влиять на онтологический статус Вселенной. Только такая свобода, по мнению Элиады, способна защитить современного человека от «ужаса» истории. Ведь в его распоряжении — в отличие от человека архаических и традиционных культур — нет мифов, обрядов и правил поведения. Поэтому для современного человека существование Бога гораздо более необходимо. Отсутствие веры ведет к отчаянию, вызванному присутствием человека в историческом мире и окончательной утратой им рая архетипов и повторений. Характерное для адептов ряда историцистских концепций (марксизм, экзистенциализм и др.) превознесение исторического человека дает лишь иллюзорную свободу. В лучшем случае, считал Элиада (имея в виду тоталитарные общества), приходится выбирать между двумя возможностями: воспротивиться истории, которую делает ничтожное меньшинство, или укрыться в недочеловеческом существовании, или в бегстве.

Не ограничивая круг своих интересов понятием «история религии», Элиада подчеркивал, что религия «не обязательно предполагает веру в Бога, богов или духов, но означает опыт священного и, следовательно, связана с идеями

существования, значения и истины». По мнению Элиады «... деятельность бессознательного подпитывает неверующего человека современных обществ, помогает ему, не приводя его, однако, к собственно религиозному видению и познанию мира. Бессознательное предлагает решение проблем его собственного бытия и в этом смысле выполняет функцию религии, ведь прежде чем сделать существование способным к созданию ценностей, религия обеспечивает его целостность. В некотором смысле даже можно утверждать, что и у тех наших современников, которые объявляют себя неверующими, религия и мифология «скрыты» в глубине подсознания. Это означает также, что возможность вновь приобщиться к религиозному опыту жизни еще жива в недрах их «Я». Если подойти к этому явлению с позиций иудео-христианства, то можно также сказать, что отказ от религии равноценен новому «грехопадению» человека, что неверующий человек утратил способность сознательно жить в религии, т.е. понимать и разделять ее. Но в глубине своего существа человек все еще хранит память о ней, точно так же, как и после первого «грехопадения». Его предок, первый человек Адам, также духовно ослепленный, все же сохранил разум, позволивший ему отыскать следы Бога, а они видны в этом мире. После первого «грехопадения» религиозность опустилась до уровня разорванного сознания, после второго она упала еще ниже, в бездны бессознательного; она была «забыта». Этим завершаются размышления историков религий. Этим открывается проблематика философов, психологов, а также теологов». «Крипторелигиозность» (подсознательно присущая каждому человеку) – занимает важное место в творчестве Элиады.

Согласно Элиаде, космос – как миропорядок, установленный от века и организующий все отношения во вселенной, противостоящий хаосу, побежденному, но не уничтоженному актом миротворения, выступал для древнего человека доминирующим началом восприятия всего сущего. Космогония выступала для него камертоном и парадигмой для толкования любых значимых жизненных явлений. Космос конституировал непреходящее настоящее, автономное от прошлого и не предполагающее неизбежного будущего. Восприятие современным человеком самого себя как «субъекта в истории», по Элиаде, налагает на него непреходящий груз миросоразмерной ответственности, но при этом позволяет ощущать себя творцом истории. Изменения в восприятии людьми исторического времени, сопрягающиеся с эволюцией моделей их самоосознавания, реконструирует посредством изучения соответствующих символов и ритуалов в философских, религиозных и мифологических системах. В книге «Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторение» Элиаде в сжатом виде изложил суть своих философско-исторических взглядов в контексте проблемы судеб европейской цивилизации, а также очертил основания некоей «архаической онтологии». Этим термином Элиаде обозначал особую форму философской антропологии, разрабатываемой им на основе спекулятивной традиционалистской метафизики и в соответствии с которой переосмысляются работы Гуссерля, Ж.Дюмезиля, Дюркгейма, Фрейда, Хайдеггера, Юнга. Центральная тема данной работы – значение и взаимоотношения двух проявившихся в мировой истории типов мировоззрения: «архаического», «традиционного», «восточного», «доисторического» (т.е. «циклического», обусловленного мифом о цикличности времени) и «современного», «западного», «историцистского» (т.е. иудео-христианского, опирающегося на представление о поступательном развитии истории к определенной цели). Элиаде показывает, что архаический человек наделяет реальностью, значимостью и смыслом только те предметы и действия, которые причастны к трансцендентной, сакральной, мифологической реальности. Эта реальность постигается первобытным обществом (или религиозным сознанием вообще) посредством интенционального

переживания абсолютного объекта – «архетипа». Для обозначения такого рода актов используются термины «теофания», «эпифания», «иерофания», теологическое происхождение которых соответствует основной идее феноменологии Элиаде – утверждению тождественности неких вневременных религиозных структур и структур чистого сознания. В момент мистического («герменевтического», «интуитивного») постижения проявлений сакрального или священного (это понятие Элиаде заимствует у Р.Отто) практически устраняется различие между субъектом и объектом, человеком и абсолютом. Обусловленное структурой бессознательного стремление религиозного человека («*Homoreligiosus*») постоянно возобновлять эти состояния является причиной существования культурных универсалий («культуры архетипов»). Выделив в качестве критерия архаический способ осмысления вещи и наделения ее статусом «реально существующей», Элиаде выделяет и описывает следующие классы универсальных мифологических символов:

1. символы соответствия всего сущего трансцендентному прототипу («небесному архетипу») – мифы о происхождении ландшафтов, поселений, храмов;
2. символы «центра мира» как точки соединения областей имманентного и трансцендентного – мифы о «пупе Земли», о мировом древе или горе, о священном браке Земли и Неба;
3. символы повторения архетипического жеста в «центре мира» («*imitatiodei*», «повторение космогонии») – космологические мифы, изначальные ритуалы и обряды.

Описывая последние, Элиаде контурно намечает свою теорию ритуала, центральное положение которой гласит: функция ритуала – устранение течения конкретно-исторического («профанного») времени и замена его временем традиции («сакральным временем»). Данные размышления Элиаде дополняет постановкой проблемы соотносительности бытия и времени, для чего подвергаются рассмотрению идеи, символы и ритуалы, связанные с трактовкой времени в разных мифологических, религиозных и философских системах. Это рассмотрение используется Элиаде в качестве аналитического материала для решения фундаментальной задачи традиционалистской антропологии – выхода из кризиса современного мира с помощью преодоления историзма («отмены истории»), причем именно историзм объявляется основной негативной составляющей самосознания современной западно-европейской культуры. Элиаде убежден, что отказ архаического человека осознавать свое бытие как историческое позволяет ему ускользнуть из-под пресса истории, преодолеть ее ужас. Именно это обстоятельство делает изучение этнографии и истории религии актуальным для философа, обеспокоенного растущим чувством страха перед абсурдом бытия, столь характерного для современного человека. Соответственно, выделяются следующие архаические способы защиты от истории: во-первых, «концепция архетипов», в согласии с которой исторический персонаж превращается в образцового героя, а историческое событие – в миф или легенду, а во-вторых, циклические или астральные теории, благодаря которым история получает оправдание, и муки, вызванные ее давлением и даже насилием, обретают эсхатологический смысл. Поиск архаическим человеком способа «отмены истории» образует важный фрагмент рассуждений Элиаде. Ключевыми понятиями в таком контексте оказываются «Год», «Новый год», «Космогония», так что особое внимание при изучении соответствующих ритуалов и обрядов обращается на их циклический характер, который связывается с представлением о том, что мир творится не однократно, а периодически. В свете такого понимания Элиаде стремится объяснить и происхождение базовых элементов человеческой культуры, в частности, земледелия. Оно, вопреки

распространенной точке зрения, объявляется возникшим отнюдь не из сугубо практических потребностей. Земледелие, согласно Элиаде, относится не только к реальным, но и к символическим действиям «вегетации растительности», которые входят в ритуал периодического возрождения времени. Такому возрождению противопоставляется творение истории, и здесь акценты заметно смещаются в соответствии с системой ценностных предпочтений философа. Элиаде проводит различие между «историческими» и «внеисторическими» временами и народами, чему соответствует более привычное различие между народами «цивилизованными» и «примитивными». Лишь последние, по его мнению, способны по-настоящему пребывать в «раю архетипов», т.е. существовать без исторической памяти и в неведении относительно необратимости событий во времени. Элиаде был убежден, что в рамках такого философско-исторического подхода уместно констатировать осуществление своеобразного ига истории от ее рождения до превращения в злобного Хроноса. Им было показано, что процесс «историзации» сознания инициировали когда-то мессиански настроенные древнееврейские пророки, а греческие философы-рационалисты и христианская элита, сакрализовавшая страдания и гнет истории, сделали введение «историзма» событием почти необратимым. На примере анализа проповедей израильских пророков и библейского мифа о жертвоприношении Авраама рассматривается, как было разомкнуто циклическое время, в результате чего и обрели ценность события истории, как были дискредитированы действия культурного героя, а иерофании неизменной сакральности превратились в теофании изменчивой воли Яхве. Элиаде считает, что «придуманная» евреями и христианами вера какое-то время позволяет переносить гнет истории, но как только набирает силу процесс секуляризации, порожденный все тем же историческим сознанием, человек оказывается перед перспективой отчаяния, которое вызывается постоянным ужасом перед нечеловеческими силами истории. Современный человек, по мнению Элиаде, переживает невероятные страдания и, вследствие этого, измучен насущным вопросом о том, как ему вынести усиливающийся гнет истории. После рассуждений о борьбе двух концепций – «неисторической архаической» и «иудео-христианской исторической» – Элиаде переходит к теме вины иудейской, христианской и философской элит в деле разрушения архаической культуры архетипов. Утверждается, что древнееврейские пророки и христианские теологи создали опасность профанации ощущения времени, т.к. они опирались на ветхозаветный историзм и отвергли мистическое единство с космическими циклическими ритмами. Сельские же слои населения Европы долгое время оставались вне этой опасности, т.к. не проявили склонности к исторически и морально окрашенному христианству. Согласно этой точке зрения, крестьяне соединили космизм язычества и монотеизм иудео-христианства в своеобразное религиозное образование, в рамках которого космос вновь одухотворяется идеей поклонения культурному герою, задавшему изначальные нормы поведения, и именно они выражены в ритуалах вечного возвращения. Таким образом, Элиаде предпринимается попытка указать на более или менее современные способы преодоления ужаса истории, символом которого стали две мировые войны. Причиной этих беспрецедентных катастроф объявляются историцистские амбиции Гегеля, Маркса и Гитлера. В частности, Элиаде обвинил Гегеля в том, что его понятие исторической необходимости оправдало все жестокости, извращения и трагедии истории, а его учение об Абсолютном Духе лишило историю человеческой свободы. Эти идеи сравниваются с учением древнееврейских пророков о событии как воле Яхве. Их сходство доказывается на том основании, что оба учения, по убеждению Элиаде, способствовали разрушению мифа о вечном возвращении. Таким образом, в контексте внешне

нейтрального обобщения огромного массива эмпирического материала Элиаде был представлен целый комплекс идей традиционалистской метафизики и предпринята попытка внедрить в массовое сознание сопутствующие такой метафизике ценностные ориентации. Соотношение сакрального и профанного в контексте реальности как «господствующего», так и «преодолеваемого» времени – очертили и иное проблемное поле ряда исследований Элиаде Мифологическое время (в границах которого действуют боги и осуществляются мифы), сакрально и циклично, оно сохраняется и ретранслируется лишь на уровне коллективного бессознательного. Профанное время – исторично, линейно, необратимо, доступно для фиксации потенциалом индивидуальной памяти. Озвучивание мифа, по Элиаде, – прорыв «священного», своеобычное «богоявление». Элиаде обрисовывает циклическое восприятие времени мифологическими народами (на материалах индийской йоги, древнееврейского олама, античного зона и др.). При этом Элиаде обращает внимание на то, что в контексте соотношения сакрального и профанного как «пространственных» (а не временных) начал бросается в глаза принципиальная достижимость их соседства и «рядомположенности» у архаических народов (Тигр и Евфрат, берущие начало на небесах, и надземное расположение идеальных «форм» у Платона). Священное пространство, с точки зрения Элиаде, непременно имеет некий Центр – место, где земля сообщается с небесами (раскрашенные столбы архаичных австралийцев, юрты шамана либо христианские церкви). Хотя в христианстве лишь в процедурах таинств литургии смыкание времени сакрального и профанного сближает потусторонние и посясторонние миры. История, творящаяся в профанном времени, тем самым оказывается отлученной от «вышнего» мира. Иудаизм и христианство, стремясь узаконить историю как одну из ипостасей Божьего промысла, указали на наличие в ней конечной цели (концепция мессианизма) и особого, высшего смысла (направляющую Божью волю). Воздаяние Божественным милосердием – оно и только оно, по мнению Элиаде, может придать истории тот смысл, который позволит человеческой психике преодолеть неизбывное отчаяние и страх перед вечностью бытия и конечностью индивидуального существования. «...Человек в традиционных обществах мог жить только в пространстве, «открытом» вверх, где символически обеспечивался раздел уровней и где сообщение с иным миром оказывалось возможным благодаря обрядам». Уже итальянские гуманисты, согласно Элиаде, стремились универсализировать христианство, преодолеть его европейскую провинциальность, создав универсальный, внечеловеческий, космический, внеисторический миф. Бруно у Элиаде – в первую очередь религиозный подвижник, бунтующий против периферийности христианских догматов, против парциальности предлагаемых папским Римом моделей мироустройства. Гелиоцентризм выступал для Бруно «иероглифом божественной мистерии» вселенского масштаба. Современный же человек, с точки зрения Элиаде, выходит из нечеловеческого ритма собственного существования посредством «криптомифологических» сценариев поведения (театра и чтения). Элиаде подарил европейским интеллектуалам 20 в. (подготовленным уже к этому открытию на собственно философском уровне идеями Ницше и Шпенглера) миф о Востоке – мире абсолютной духовной свободы и установившейся раз и навсегда гармонии. Посвятив ряд работ исследованию мифа, Элиаде сформулировал тезис о том, что миф являет собой «священную историю» актов миротворения с участием сверхъестественных существ, конституируя тем самым единственно подлинную духовную реальность для первобытного человека. Миф, по Элиаде, – прототип, образец любых людских обрядов и «калька» подавляющего большинства видов «профанной» деятельности. Доминируя в философии античности, в народном средневековом христианстве, мифологическое сознание, согласно Элиаде, переживает ренессанс в

философии и в искусстве XX столетия, в продукции современных средств массовой информации. Элиаде обратил особое внимание на дух историцизма в XX веке. «Историцизм, – отмечал он, – типичный продукт тех наций, для которых история не была непрерывным кошмаром. Возможно, у них было бы другое мировоззрение, если бы они принадлежали к нациям, отмеченным фатальной историей». «Запретный лес» для Элиаде – архаичная, латиноязычная Румыния, сложившаяся из даков и римских колонистов, забытая историей на долгие столетия и сохранившая свое национальное единство лишь благодаря объединявшим народ ритуалам. Для Элиаде присуща попытка конструктивного преодоления традиционной эпистемологической оппозиции «познаваемое – непознаваемое», для него в духе платоновского миропонимания существенна иная динамика: «узнанное – неузнанное». Единоборство памяти и беспамятства – основа существования людей как специфического творчества, находящего свое выражение, по мнению Элиаде, в подлежащих расшифровке феноменах культуры. Отдавая должное в рамках этой интеллектуальной традиции и психоанализу и структурализму, Элиаде не принимал их ограниченности: комментируя «чисто сексуальную» трактовку Фрейдом образа влечения ребенка к своей матери, он указывал на то, что «перевести образ в конкретную терминологию, ввести его в только один произвольно выбранный контекст – значит уничтожить образ как инструмент познания». Имплицитная метафизика Элиаде приняла облик эстетической онтологии, основанной на идее творчества, в которой воображение оказывается и способом познания, и способом существования. Только воображением можно постигнуть универсальность творчества, которая и составляет смысл жизни человека (М. Калинеску). Структурализм же, пытаясь подчинить миф логике, уподобляется, по мнению Элиаде, попытке «растворить индивидуальное сознание в анонимном, а последнее – в природе, которую физика и кибернетика свели к «основным структурам». Абсолютизм и «самодержавность» жестких правил организации и эволюции форм языка и мышления были неприемлемы и непереносимы для Элиаде. В своем творчестве Элиаде оставался приверженцем идеи неустранимости мифа (веры в Вечное Возвращение) из совокупности атрибутов подлинной человеческой духовности. Он считал, что мифы отражают особую категорию духовных творений древнего человека и, следовательно, могут сравниваться с любой другой группой традиционных мифов «Периодическое возвращение в священное Время».

В поле зрения метафизики Мирчи Элиаде изначально оказались не только гносеологические проблемы познания Природы и Человека, но и донаучные натурфилософские и мистические течения, наряду с традиционными идеологиями Запада и Востока, подпитываемые волнами иррадиации из самых разнообразных центров культурного влияния, с равным безразличием несущими и духовные ценности, и ложные идеалы, и псевдонаучные представления, и обломки древних суеверий, предрассудков, магии, анимизма. Все это – необходимый фон как для деятельности духа, так и для осмысления условий человеческого существования. И в конечном счете история религий в трудах Элиаде естественно перетекает в историю культуры. Необходимо, правда, иметь в виду неизбежную субъективность любых культурно-исторических построений, независимо от авторской эрудиции и строгости методов, применяемых для реконструкции иного мировосприятия. Подлинно научный подход не в том, чтобы впасть в комплекс объективности, он – в осознании меры субъективности напращиваемых умозаключений, характера ограничений, накладываемых возможностью проникновения во все более глубокие смыслы исследуемого явления. В этом отношении научное творчество Элиаде субъективно, но это

субъективизм другого рода, чем тот, который может быть обнаружен в его художественных произведениях.

Экскурс в категориальный состав философии религии М. Элиаде, следует подчеркнуть, что трактовки мыслителем основных категорий, как и его исторические ретроспекции, при всей их кажущейся теологической непредвзятости, нельзя целиком относить к области сугубо академического религиоведения. Элиаде как мыслитель не связывал себя с определенной конфессией, но это не означает, что он ставил себя вне религиозных исканий. В архаических мифологемах, восточном умозрении, интуициях христианской мистики, простонародном мироощущении Элиаде надеялся обнаружить единый источник подлинно религиозной жизни. Религиозный проект мыслителя – создание теологии без Бога, на место которого заступает Сакральное. Сакральное, абсолютная реальность без имени и лица, должно было стать основанием “планетарного гуманизма”, о котором мечтал Элиаде.

ЛИТЕРАТУРА

- Элиаде М. Космос и история. Избранные работы. Пер. с фр. и англ. А. А. Васильевой, В. Р. Рокитянского, Е. Г. Борисовой. Вступ. ст. и коммент. Н. Я. Да-Раган. Послесл. В. А. Чаликовой. Общая ред. И. Р. Григулевича и М. Л. Каспарова. - М.: Прогресс, 1987.
- Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976.
- Ревуненкова Е. В. Проблемы шаманизма в трудах М. Элиаде. - Актуальные проблемы этнографии и современная зарубежная наука. Под ред. Ю. В. Маретина и Б. Н. Путилова. - Л.: Наука, 1979. С. 241-258.
- Элиаде М. Священное и мирское. Пер. с фр., предисл. и коммент. Н. К. Гарбовского. - М.: Изд. МГУ, 1994;
- Элиаде М. Аспекты мифа. Пер. с фр. В. Большакова. Статья и коммент. Е. Строгановой. - М.: Инвест-ППП, 1994.
- Элиаде М. История веры и религиозные идеи. От каменного века до элевсинских мистерий. Т1. М., Критерион, 2001, с.233.
- Голосовкер Я. Логика мифа. Сост. и коммент. Н. В. Брагинской М.: Наука, 1987.